

Анджей
ИКОННИКОВ-
ГАЛИЦКИЙ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
И ПРЕСТУПНЫЙ

Хроники
петербургских
преступлений

Санкт-Петербург

УДК 947+908
ББК 63.3(2)51
И 42

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-30770-4

© А. А. Иконников-Галицкий, 2007, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Вместо предисловия

РЕВОЛЬВЕР В РИДИКЮЛЕ

Петербург—Ленинград — город двойников и раздвоенный. Блистательный и преступный. Поверхностное знакомство с этим городом заключается в разглядывании классических фасадов. Но они — всего лишь декорация, макияж. В свое время император Петр приказал деревянные дома Санкт-Питер-Бурха, возводимого под неусыпным его надзором, штукатурить и раскрашивать под камень. Так и повелось: снаружи косметика колонн, фронтонов, золоченых шпилей, а внутри, за и под — крошащийся кирпич, протечка в потолке и смутная матерщина вечно пьяного соседа за стенкой. «Все не то, чем кажется» — диагноз, поставленный Гоголем не одному только Невскому проспекту, но вообще городу. А что же на самом деле?

Почему бы нам не свернуть с парадного проспекта во двор? Посмотрим хоть краем глаза, что там. Содержание этой книги — беглый, почти экскурсионный взгляд в окна и подворотни девиантного, неприязнательного Петербурга нескольких десятилетий его бытия — от отмены крепостного права до революции.

В одной из финальных сцен «Фауста», когда ангельские силы готовы ринуться в решительный бой с воинством князя тьмы, Мефистофель вдруг гово-

рит подчиненным ему бесам, указывая вверх: «Не трогайте их, это ведь такие же черти, как вы, только переодетые». Петербургские ангелы, отражаясь вниз головами в обманчивой невской воде, легко обращаются в бесов. Впрочем, обратное тоже возможно.

Кстати, о революции. Вот это — типичный случай взаимного перерождения ангелов в бесов, героев в злодеев, согладатаев в поднадзорных, преследователей в жертвы. Все мы знаем: революция — величайшее потрясение, пережитое городом и миром в XX столетии. Между тем демоны русской революции ворвались в промозглый сумрак петербургского октября в окружении крикливой, разнузданной, глумливой толпы мелких бесов и бесенят преступного мира.

Императорский Петербург равно притягивал к себе (и генерировал в себе) волны революционных движений и выбросы антиобщественной энергии криминала. Политическая столица Российской империи была одновременно столицей криминальной и главным полем деятельности революционных организаций. О том, что в самодержавно-капиталистической России (и прежде всего в Петербурге) революция шла рука об руку с преступностью, свидетельствуют бесстрастные цифры полицейских отчетов. При их изучении становится очевидной закономерность: периоды наиболее активного роста преступности — середина 1860-х, конец 1870-х — начало 1880-х, 1900–1905, 1909–1913 годы — предшествуют всплескам революционной активности: «хождению в народ», народовольческому террору, революции 1905 года и, наконец, катастрофе Мировой войны, переросшей в Семнадцатый год. В этом смысле петербургская преступность эпохи капиталистической перестройки

конца XIX — начала XX века есть явление всемирно-исторического значения, как и русская революция.

Недавно, читая материалы по истории криминала советской поры, я с изумлением узнал, что в 1960-х — первой половине 1970-х годов в Ленинграде фиксировалось в среднем всего около 50 убийств в год (не считая убийств по неосторожности, убийств, совершенных в пределах необходимой самообороны, при исполнении представителями власти служебных обязанностей и т. п.). С тех пор население города возросло примерно на 20%, а число криминальных убийств увеличилось на порядок! Причем начало стремительного роста приходится не на годы распада СССР и «великой капиталистической революции», а на предшествующие им — конец 1970-х — начало 1980-х. Тут нельзя не усмотреть причинно-следственную связь. Поистине, в мрачной игре преступлений и наказаний — ключ к пониманию великих исторических переломов.

Вот — в качестве введения в тему — несколько кровавых криминальных историй из жизни блистательной имперской столицы. Посмотрим — увидим, каким странным образом трансформировалось отношение общества к нарушению простой и ясной заповеди «не убий».

ХОРОШИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК — МЕРТВЫЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК

Итак, место действия — здание градоначальства, дом № 2 по Гороховой улице, что на углу Адмиралтейского проспекта. Время действия — середина дня 24 января (6 февраля н. ст.) 1878 года. Градоначальник Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов собирался начать обычный прием просителей. В приемной

дожидалось несколько десятков человек, преимущественно бедно одетых: градоначальник славился своей демократичностью и доступностью, на прием к нему мог прийти всякий петербуржец. По заведенному порядку его высокопревосходительство вышел из кабинета и стал обходить просителей, расспрашивая о сути их дел и принимая письменные прошения. В самом темном углу приемной, возле дубового книжного шкафа, дожидалась своей очереди молодая, скромно-приличного вида женщина с невзрачным продолговатым бледным лицом и серыми невыразительными глазами. В руках ее была зажата бумага с прошением, на локте висела маленькая дамская сумочка-ридикюль. Генерал-адъютант неторопливо подошел, поздоровался, принял из ее рук бумагу, начал читать — и в этот момент просительница достала из ридикюля револьвер и выстрелила. Раненный в правый бок, Трепов упал.

В приемной поднялась страшная суматоха. Только через несколько минут, среди шума и криков, кто-то из полицейских догадался схватить стрелявшую; впрочем, она не пыталась скрыться. Трепова подняли, унесли. В сумятице никто не запомнил — один был выстрел или несколько; не озаботились выяснением этого обстоятельства и производившие дознание чины. К вечеру врачи установили, что градоначальник ранен одною пулей в печень, что рана опасна, но не смертельна. Задержанная преступница была препровождена в Дом предварительного заключения (на Захарьевской улице). На первых допросах она молчала, категорически отказывалась назвать себя. Лишь некоторое время спустя удалось установить ее личность: Вера Ивановна Засулич, 1851 года рождения.

Главная загадка, пред которой оказалось следствие, — мотивы преступления. Установить какую-либо связь между обвиняемой и потерпевшим не удавалось. А ведь от определения мотивов зависели квалификация и подведомственность дела. Если это государственное преступление, то рассматривать его должно Особое присутствие Сената; если покушение на убийство по личным мотивам — то окружной суд с участием присяжных. Решать вопрос предстояло самому министру юстиции графу К. И. Палену. Граф не любил скандалов и побаивался политики. Он решил: Засулич действовала по личным мотивам. Дело было квалифицировано как уголовное и передано в окружной суд.

В ходе предварительного следствия Засулич разговорила. И выдвинула версию, объяснявшую бессмысленный на первый взгляд поступок. (Впрочем, кому принадлежит авторство — ей или либерально настроенным следователям, ищущим популярности в обществе, — установить не представляется возможным.) Якобы она хотела отомстить Трепову за то, что по его приказу был подвергнут телесному наказанию политический заключенный Боголюбов. Вообще-то странно: после того инцидента прошло немало времени, успела отгреметь и закончиться Русско-турецкая война (Плевна, Карс, Шипка-Шейново...); Засулич не была знакома с Боголюбовым, да и проживала в это время вдали от Петербурга, в Пензе. Тем не менее версия «благородной мести царскому сатрапу» легла в основу обвинительного заключения.

И не случайно. Только таким образом можно было совершить финт: превратить обвиняемую в героиню, а потерпевшего — в обвиняемого. А в этом были заинтересованы многие лица в Петербурге.

Слишком необычным, слишком деятельным и популярным администратором был генерал-адъютант Трепов.

В России так: хороший градоначальник — мертвый градоначальник.

Прискорбный эпизод с розгосечением произошел 13 июля 1877 года. Трепов в скверном расположении духа проходил двором Дома предварительного заключения и встретил совершавших прогулку арестантов. Трепову показалось, что политический заключенный Боголюбов (это революционный псевдоним, настоящая фамилия, как впоследствии выяснилось, Емельянов) без должного уважения поклонился градоначальнику. И Боголюбов был высечен розгами. Расправа возмутила заключенных, спровоцировав в тюрьме нечто вроде бунта. Факты эти попали в газеты, стали известны в городе, взбудоражили общественное мнение.

Законно или противозаконно было распоряжение Трепова — сложный вопрос. Телесные наказания законом допускались в отношении ссыльнокаторжных за правонарушения, совершенные в местах отбывания наказания. Боголюбов-Емельянов был уже осужден на каторгу, но до этапа находился в Доме предварительного заключения. В общем, казуистика. Она, впрочем, мало кого интересовала. Важно было другое: осужден Боголюбов был по политической статье, за участие (вместе с Плехановым) в знаменитой антиправительственной демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 года. Интеллигенция в те времена относилась к власти столь же враждебно, как и в памятные нам «застойные» годы. Трепов был провозглашен злодеем, Боголюбов — страдальцем за правое дело. (О нем, правда, скоро забыли. Через несколько лет, в ссылке, он сошел с ума и умер

в тюремной палате для душевнобольных.) Все великосветские и чиновные враги Трепова возликовали. Появилась надежда избавиться от него. Для реализации Надежды, как известно, необходима Вера. И она явилась.

Вера Засулич как нельзя лучше подходила на роль Немезиды. Она уже раз сидела в тюрьме по политическому обвинению. Семнадцатилетней девушкой, только-только выйдя из пансиона, на какой-то молодежной сходке она познакомилась с пламенным апостолом революционного террора Сергеем Нечаевым; года полтора выполняла его секретные поручения. Потом Нечаева арестовали; на всю Россию прогремело знаменитое «нечаевское дело»; около тридцати человек были осуждены за участие в антиправительственной организации и за убийство своего товарища студента Ивана Иванова. Восемнадцатилетняя Засулич тоже была арестована, два года просидела в Доме предварительного заключения; освобождена от суда за недоказанностью вины, но выслана из Петербурга в административном порядке. Семь лет мыкалась по ссылкам; естественно, семьи не завела и все теснее сближалась с кругами революционной молодежи. А эти круги тем временем строились в боевые порядки: в 1876 году образовалась подпольная «Земля и воля», среди участников которой наиболее активную группу составляли последователи Нечаева. Идея убийства как способа достижения всеобщего счастья стремительно овладевала умами.

О подобных умонастроениях неплохо были осведомлены те, кому следует: жандармерия и «охранка». Начальники корпуса жандармов — граф П. А. Шувалов и сменивший его А. Л. Потапов ненавидели Трепова. Как, впрочем, и министр внутренних дел

А. Е. Тимашев, и высшее руководство полиции. У них были свои люди в охранном отделении. Не исключено, что идея вложить оружие возмездия в руки какой-нибудь экзальтированной революционерки родилась в кругу этих высокопоставленных «защитников обездоленных». Кандидатура должна была вызывать сочувствие у «общественности», подогревая тем самым чувство отвращения к «сатрапу». Стареющая в революционной борьбе девица Засулич отвечала всем требованиям. Даже сербская фамилия вызывала романтические воспоминания о борьбе братьев-славян против тирании султана.

Дело было расследовано быстро, суд состоялся уже 31 марта. Петербург гудел; вокруг здания судебных установлений (Литейный пр., 4) с ночи стала собираться толпа; в зал заседаний попасть было невозможно, все места были расхвачены заранее, а пускали туда (как в театр по контрамаркам) по запискам от председателя суда А. Ф. Кони. В толпе оживленно обсуждали новость: подсудимую будет защищать малоизвестный адвокат П. А. Александров. Сетовали: засудят, расправятся. Кляли Трепова, злорадствовали по поводу его отсутствия в суде: градоначальник еще не вполне оправился от раны и лежал дома. В воздухе незримо витала тень Шарлотты Корде, восходящей на гильотину. В вынесении обвинительного вердикта никто сомневаться не мог — ни люди в толпе, ни министр юстиции Пален, ни Кони, ни адвокат Александров. Факт совершения преступления подсудимой был очевиден.

Слушания длились не очень долго. Александров произнес трепетную речь, смысл которой — прямо как в фильме «Берегись автомобиля» — сводился к одному: подсудимая виновна, но она невиновна. А виновен Некто (высказываться напрямую о Трепове

как о представителе верховной власти было запрещено), по чьему распоряжению «над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение». Александров говорил: «С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова»; «...и вдруг внезапная мысль, как молния сверкнувшая в уме Засулич: „О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик. В моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!“». Словом, тут уж никак нельзя было не пойти и не выстрелить Трепову в печень. Просто подло было бы не выстрелить.

Кони в напутствии присяжным просил их быть снисходительными к подсудимой. Присяжные удалились на совещание. Совещались недолго. Вышли. Старейшина огласил вердикт: по всем пунктам обвинения невиновна. По распоряжению Кони (в точном соответствии с законом) Засулич была тут же освобождена из-под стражи. На улицу ее вынесли на руках. Что творилось на Литейном, Сергиевской и Захарьевской улицах — того не передать словами. Такого ликования в Петербурге не было, пожалуй, с 11 марта 1801 года, с убийства императора Павла. Полиция и власти растерялись совершенно. Правда, прокурор немедленно направил кассационную жалобу в Сенат; уже к вечеру того же дня поступило распоряжение: в связи с повторным рассмотрением дела снова взять Засулич под стражу... Какое там! Отыскать ее в городе было невозможно, да и небезопасно — все равно что отобрать Жанну д'Арк у жителей освобожденного Орлеана. Около полутора лет Засулич успешно скрывалась на конспиративных квартирах по всей России, потом беспрепятствен-

но выехала за границу. Дальнейшая судьба известна: дружба с Плехановым, переход в марксизм, работа в редакции газеты «Искра», II съезд РСДРП, меньшевизм, смерть в «великом и страшном» 1919 году у разбитого корыта революционного идеализма.

О других участниках процесса. Александров уже вечером 31 марта «заснул знаменитым» (если вообще спал в ту ночь). Пален подал в отставку. Вслед за ним ушел и Тимашев. Кони дотянул до конца свой судейский срок и на несколько лет отошел от дел. Самое интересное, что и для Трепова исход суда означал конец карьеры: вскоре по выздоровлении он имел у государя аудиенцию, после которой подал в отставку. С живой, многотрудной работы градоначальника был переведен на почетную, но никчемную должность в жандармерию. Его преемником стал малозначительный генерал-майор Зуров.

Дело Засулич было столь громким, что неслышанными оказались победные фанфары: подписание триумфального Сан-Стефанского мира с Турцией осталось как бы не замеченным русским «образованным обществом». Но куда важнее последствия другого рода.

Отныне убийство в России становится вполне приемлемым способом решения «проклятых вопросов», а антиобщественные, уголовные, аморальные начала — доминантами общественного развития. До процесса Засулич Россия не знала терроризма как фактора общественной жизни (единственное покушение Дмитрия Каракозова на Александра II в 1866 году вызвало ужас в обществе как событие неслыханное). Не прошло и пяти месяцев после оправдания Засулич — и среди бела дня в центре столицы был убит недавно назначенный шеф жандармов генерал Н. В. Мезенцов. Убийца в форме гвардейско-

го офицера подошел к сановнику, достал нож, зарезал — и преспокойно скрылся. А вскоре объявился в Лондоне, выступал в эмигрантской русской печати под псевдонимом Степняк (С. М. Кравчинский), 2 апреля 1879 года другой асассин, А. К. Соловьев, подкараулил на Певческом мосту возле Зимнего дворца самого государя императора Александра Николаевича, разрядил в него револьвер, с пяти шагов шесть раз промахнулся, был арестован, судим, казнен. Засим последовал страшный взрыв на железной дороге, уничтоживший поезд царской свиты; засим — 5 февраля 1880 года — еще более страшный взрыв в Зимнем дворце. Император уцелел случайно.

«Верхи не могли» более жить по-старому, и вот затравленный террористами, лишенный покоя в собственном доме Александр II возводит на вершину власти «бархатного диктатора» М. Т. Лорис-Меликова. Тот провозглашает «диктатуру сердца», политику борьбы с разрушительным нигилизмом, разрастающимся снизу, путем осуществления либеральных реформ сверху — и через несколько дней сам едва не становится жертвой террориста.

20 февраля того же года министр внутренних дел, шеф жандармов и председатель Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка граф Лорис-Меликов спустился по парадной лестнице арендуемого им особняка на Большой Морской, вышел на крыльцо, остановился в ожидании экипажа... В этот момент к нему бросился давно прогуливавшийся поблизости молодой человек, выхватил револьвер из кармана студенческой шинели, с трех шагов выстрелил... Проманулся: пуля лишь порвала шубу и сюртук министра. Старый воин Лорис-Меликов не растерялся, выбил оружие, схватил нападавшего за ворот, несколькими ударами

сбил его с ног, прижал к ступеням крыльца. Тут (что и говорить, вовремя!) подбежала охрана, покушавшегося связали, доставили в полицию. О нем удалось выяснить немного: фамилия Млодецкий, убеждения — революционные; действовал ли он по заданию «Народной воли» или был фанатиком-одиночкой — так до конца и не узнали. Уже на следующий день военный суд приговорил его к смерти, и 22 февраля Млодецкий был казнен через повешение на Семеновском плацу, почти что на месте нынешнего ТюЗа.

Не помогло. 1 марта 1881 года совершилось царевубийство: два взрыва на набережной Екатерининского канала смертельно ранили царя-освободителя Александра II и его убийцу; первый скончался во дворце через несколько часов от страшных ран и огромной кровопотери; голову второго в полицейском морге отделили от туловища, заспиртовали в банке и возили по городу для опознания; только так выяснили имя: Игнатий Гриневицкий, бывший студент, агент-исполнитель «Народной воли».

Одна шестая часть обитаемого мира понеслась в бездну.

КРОВЬ МИНИСТРА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Связь между революцией и криминалом неминуема и обоюдна. Преступный мир заинтересован в революции, ибо слом общественно-политического строя дает ему возможность вырваться из-под прессы устойчивых социальных институтов и государственных структур. Революция заинтересована в преступном мире: в его разрушительном, негативном менталитете, в его системе ценностей, отрицающей устои общества, наконец, в его «живой силе», в той

массе мелких и средних правонарушителей, которые, как показывает опыт всех стран, прошедших через горнило социальных смут, являются активнейшими участниками революционных беспорядков. В советское время, как, впрочем, и в дореволюционное, принято было отделять террористов — «идейных» убийц от уголовников — «корыстных» убийц. Эти вторые считались злодеями и преступниками; первых же общество страшилось, но не осуждало. Народные избранники в Думе дважды — в 1906 и 1907 годах — отказались вынести резолюцию, осуждающую политические убийства, — и, по существу, узаконили их. На самом деле, в кровавых трудах «Народной воли» или боевой организации эсеров так же невозможно найти черту, отделяющую их от обыкновенного криминала, как и в грабежах банков, осуществляемых большевистскими боевиками, а иногда — бандитами под видом большевиков. В «Белой гвардии» Булгакова классически явлена сцена «революционной экспроприации» на квартире господина Лисовича, оказывающейся на поверку обыкновенным уголовным грабежом. Так же и некоторые революционные теракты слишком уж смахивают на обыкновенные уголовные убийства, а мотивы поведения «борцов революции» очень похожи на те, что движут убийцами на почве ревности, корысти, уязвленного самолюбия, психической неуравновешенности или геростратовского тщеславия.

Если идти по улице Зодчего Росси (бывшей Театральной) к площади Ломоносова (так называемой «Ватрушке»), то справа откроется выгнутый дугой классический фасад с полуколоннами. В этом здании до революции располагалось Министерство народного просвещения. В этом здании, принадлежащем столь мирному ведомству, 14 февраля 1901 го-

да прогремел выстрел. В министра Н. П. Боголепова стрелял некто, записавшийся к нему на прием как Петр Карпович, мещанин, бывший студент Московского и Юрьевского (Дерптского, ныне Тартуского) университетов. Ох уж эти мещане, бывшие студенты! Очевидец описывает его так: молодой человек «среднего роста, брюнет с бородой... Физиономия не из приятных... Одет в черный потертый сюртук... Его движения после совершения преступления сделались нервными, резкими, неуверенными». Не слишком симпатичный персонаж.

Как и в деле Засулич, никто не мог ответить на вопрос — за что. Вначале думали, что тут имеют место личные счеты. Министр Боголепов не был влиятельной политической фигурой и даже к бунтующим студентам, оправдывая свою фамилию, относился довольно мягко. По городу пробежал было слух о покушении на почве ревности: то ли Боголепов совратил невесту Карповича, а может, Карпович совратил невесту Боголепова... Однако скоро узнали: Карпович дважды был исключен из университета за участие в политических студенческих беспорядках. То есть революционер. И выстрел его — революционный акт. Эмигрантский историк Сергей Ольденбург писал об этом выстреле: «Он знаменовал переход к новой тактике революционных кругов. Жертвою ее стал министр, никакой личной неприязни никому не внушавший: выстрел был направлен против императорского правительства как такового». Уточним: против нормального человеческого общества как такового.

Пальба в приемной министра произвела переполох, но преступника все-таки схватили. Оперативно работавшие репортеры самой динамичной петербургской газеты, суворинского «Нового времени»,

уже к вечеру, по горячим следам, составили заметку о происшествии. Позволим себе обширную цитату из нее — она передает еще не остывшие впечатления очевидцев. «В числе находившихся в зале был некий Карпович, желавший лично подать министру прошение о приеме в Юрьевский университет. Он был допущен к приему, так как Боголепов в приеме и личных объяснениях не отказывал. Остановившись около одного из книжных шкафов, злоумышленник облокотился на выступ книжного шкафа. Министр, выйдя из своего кабинета, стал обходить просителей. Когда он приблизился к одному из провинциальных городских голов (черниговскому), стоявшему рядом с преступником, последний быстро вынул пятиствольный револювер и, не снимая локтя правой руки с выступа, направил дуло револювера в грудь министра. Произошел выстрел. Боголепов, бывший в двух шагах от злоумышленника, упал... К министру подбежали присутствующие в зале... По телефону тотчас вызвали профессора Н. В. Склифосовского и хирурга Н. И. Зворыкина, и ими была сделана перевязка. Министр народного просвещения оказался раненным в шею. По-видимому, рука преступника дрогнула, и выстрел, направленный в грудь, попал в правую сторону шеи... Причины покушения, по-видимому, не исходят из личной мести, а есть результат извне навешанного фанатизма».

Обратим внимание на три обстоятельства.

Первое: министр, «никакой личной неприязни никому не внушавший», скончался, промучившись две недели, 2 марта (15 марта по н. ст.). В древнеримском календаре это — мартовские иды. День, в который приносили жертвы богу-разрушителю, кровавому Марсу, день, в который перед богами предстали Юлий Цезарь и Александр II. Служитель

Минервы принесен в жертву Марсу рукой безбожника-социалиста. «Кровь его на вас, революционерах, и на детях ваших».

Второе: убийца почему-то был судим не военным, а общегражданским судом, не имевшим права выносить смертные приговоры; по уголовной статье он был отправлен на каторгу, откуда вскоре благополучно бежал.

И третье: сценарий преступления как две капли воды похож на покушение Засулич. Воспользоваться добросовестностью трудяги-министра, который никому «в приеме и личных объяснениях не отказывал», и пальнуть. И ведь интересно: за двадцать лет террора никто не позаботился, чтобы в приемных высших должностных лиц государства хотя бы досматривали посетителей на предмет вооруженности. Жертва не делает выводов из пережитого, выводы делает охотник.

Заметка в «Новом времени» не была опубликована: запретил министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Сипягин носил придворное звание егермейстера, что, вообще-то, значит: «начальник царской охоты», «государев ловчий». Этот-то «ловчий» и стал следующей жертвой эпидемии политических убийств.

2 апреля 1902 года Сипягин находился на заседании Государственного совета в Мариинском дворце. Внезапно был вызван вниз, в переднюю: кто-то из лакеев передал, что министра дожидается гвардейский офицер; что он якобы адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, что он только-только примчался из Москвы и привез Сипягину срочный пакет от великого князя. Сипягин спустился вниз, в пустую переднюю. Оттуда слышались выстрелы.

Иконников-Галицкий А.

И 42 Блистательный и преступный : Хроники петербургских преступлений / Анджей Иконников-Галицкий. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-30770-4

Книга «Блистательный и преступный: Хроники петербургских преступлений» — это увлекательное и весьма поучительное повествование, посвященное криминальной жизни столицы Российской империи во второй половине XIX века. Автор книги — известный петербургский поэт, публицист, историк Анджей Иконников-Галицкий — не ограничивается рассказами о наиболее интересных и остросюжетных уголовных делах: убийствах, кражах, мошенничестве, дуэлях, фальшивомонетничестве и т. д. Из книги можно узнать о состоянии правоохранительной системы, судов, полиции, тюрем, особенностях правовых отношений той эпохи. Кроме того, читателю предлагаются своего рода экскурсии по местам преступлений, совершенных в разных районах города (Сенная площадь, Коломна, окрестности Обводного канала, Васильевский остров и др.). Издание снабжено вклейкой с редкими иллюстрациями и адресовано широкому кругу читателей.

УДК 947+908
ББК 63.3(2)51

АНДЖЕЙ АНДЖЕЕВИЧ ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ
БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕСТУПНЫЙ
Хроники петербургских преступлений

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Ольга Попова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.10.2025.
Формат издания 84 × 108 1/8. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 17,64 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,	АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

